

28

Цветы для незрячих

Как в Чехословакии заботятся об инвалидах

«Кем ты работаешь? — Сестрой милосердия. — Кем? Медсестрой, что ли? — Сестрой милосердия. Понимаешь? Слово-то какое: милосердие...» Мне вспомнился этот диалог героев замечательного нашего фильма «Белорусский вокзал», когда я прощалась с обитателями дома-интерната для слепых, расположенного в небольшом поселке Багонь, рядом с Братиславой. Потому, что именно здесь я увидела грань между одинаковыми на первый взгляд понятиями — медицинская сестра и сестра милосердия.

Милосердие — государственная политика

Дома-интернаты для престарелых и инвалидов существуют во всем мире. Но чуть ли не трагедией считают у нас часто пребывание в таких заведениях. И резон в этом, как ни страшно, есть. И не только потому, что немощь и одиночество трагичны уже сами по себе. Главное, что страшит потенциальных обитателей домов-интернатов — обстановка, царящая зачастую там. Обстановка, которая формирует у человека особую, унизительную для него психологию поведения — психологию бесправия, страха, рабочего преклонения перед теми, от кого зависишь буквально во всем, — перед санитарками, врачами, сестрами. Теми самыми «сестрами милосердия»...

Люди, потерявшие способность видеть окружающий мир, радоваться солнцу, родному лицу... Впрочем, все, что ни скажешь по этому поводу, прозвучит на редкость банально, но от этого не менее страшно. Тягучей атмосферы безысходности — вот чего, пожалуй, больше всего я боялась, когда переступала порог центра для слепых — дома-интерната в Багони. И первое, что поразило — цветы. Цветы на подоконниках, в коридорах, палатах, столовой. Ведь слепые лишены возможности их видеть! Да, но ощущают запах, а вместе с запахом приходит к ним и частица того мира, в восприятии которого они обделены, приходит понимание неформальной заботы о них. Казалось бы, мелочь — эти цветы, Впрочем, как и все остальное, о чем

буду рассказывать. Но мелочью это может показаться только человеку здоровому.

Встречают меня две милые, спокойные женщины. Спокойное достоинство в каждом их жесте, улыбке, слове. Катарина Потучкова, руководитель районной социальной службы. Зора Койшова, директор центра.

Первое, что меня интересует: как люди попадают в интернат? Кто их направляет сюда? Выясняется, что в Чехословакии существует для этого специальная служба. В каждом органе местной власти — национальном комитете — есть социальный работник, обязанность которого разыскивать людей одиноких, обездоленных. «Бродячий человек» — так его часто называют. Он ходит по селам, деревням, расспрашивает жителей, нет ли рядом с ними людей, попавших в беду. Не нуждающиеся в помощи идут к нему с протянутой рукой в роли просителей — он сам ищет их, приходит в дом, спрашивает, чем помочь, что можно сделать, чтобы облегчить жизнь. Так с самого начала немощному человеку, оказавшемуся в одиночестве, государство внушает: ты нужен.

Первая задача «бродячего человека» — сделать все, чтобы нуждающийся в помощи мог остаться в родном доме, в привычной обстановке. Если у старика или инвалида нет родственников, районная социальная служба может попросить ухаживать за ним кого-либо из соседей. Причем за плату. Правда, не все и не всегда соглашаются. Тогда встает вопрос о переселении в интернат. Но это — крайнее средство. Крайнее потому, что существуют и заведения иного типа, в которых пожилой человек, например, может провести целый день, получить помощь врача, питаться, а вечером вернуться домой. В таком своеобразном «садике для бабушек и дедушек» можно остаться и на неделю, и на целый месяц: уехала, например, дочь в отпуск, помочь в эти дни некому, и ты поселяешься здесь, а с ее возвращением и сам возвращаешься домой.

Вместо родного дома

Тем не менее иногда бывает так, что переселяться в интернат необходимо. Тогда дом-интернат должен

стать для человека родным домом. Но дом становится родным, когда его двери для тебя открыты всегда, когда ты можешь свободно войти и выйти отсюда по своему собственному желанию. Поэтому основное требование для помещения в интернат — это безоговорочное согласие направляемого. Навсегда сохраняется за ним и возможность уйти — если обстоятельства изменятся к лучшему.

Мы разговариваем об этом в Багони и вспоминаем недавнюю передачу советского телевидения, которую видели и мои собеседницы. О том, как двое безногих инвалидов были изгнаны из интерната за нарушение режима и выброшены на улицу. Кадры страшные, жестокие. Я спрашиваю, возможна ли здесь такая ситуация. Койшова и Потучкова не очень склонны к бурному проявлению эмоций, поэтому говорят только, что увиденное оставило на редкость тяжелое впечатление. Нет, своих подопечных они из дому не выгоняют, что бы ни случилось.

— Как я поступаю в таких случаях? — переспрашивает Зора Койшова. — Ну, как бы обитатели дома ни нарушали принятый порядок, выселением не угрожаю. Уговариваю, убеждаю.

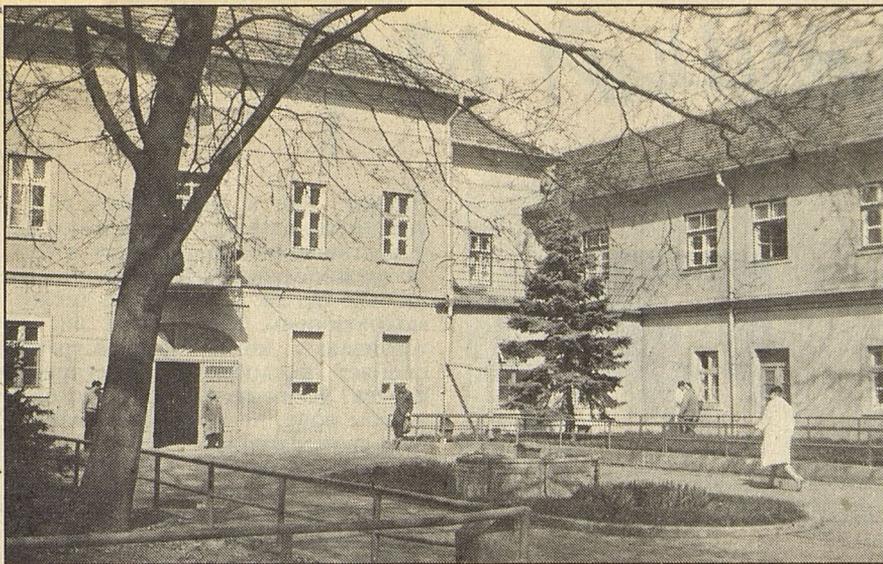
Каждый поступающий в интернат приносит с собой подробную справку, составленную социальным работником. Кроме чисто медицинских сведений в ней содержится и анализ личности человека: имеет ли друзей, интересуется ли общественной жизнью, слушает ли радио, уживчив ли...

— Надо же нам знать, с кем лучше поселить человека! — говорит директор.

А мне на ум приходит публикация в журнале «Знамя», повествующая об одном из наших домов престарелых и о страшном конфликте, вспыхнувшем между двумя пожилыми женщинами именно потому, что никто не удосужился подумать: смогут ли люди, совершенно разные по характеру, интересам, образованию, взглядам, жить день за днем рядом. Одна из них, опомнившись, подумала: «До чего же я дошла, до чего?» Дошла или довели?..

Здесь подобная ситуация немыслима. Есть в справке и сведения о доходах подопечного. Но этим вопросом в центре заинтересуются лишь через три месяца после его переселения в дом. Сначала примут, помогут и только потом напомнят о плате.

Итак, первые 90 дней обитатель интерната не платит за содержание ни копейки. Потом отдает 70 процентов пенсии. Причем на руках у

Центр для слепых в Багони

Фото П. Кубини (ЧССР)

него должно остаться после этого не менее 310 крон. Если остается меньше — доплачивает государство. Здесь, в Багони, есть старушка, у которой вся назначенная давным-давно пенсия составляет 300 крон. Так вот за пребывание в центре она ничего не платит вообще, наоборот, ей доплачивают 10 крон ежемесячно! Не велика сумма, скажете, в пересчете — наш рубль. Но такой порядок дает каждому ощущение того, что он ничем не хуже остальных в этом доме.

Новь в старых стенах

В кабинете директора центра мне показывают пухлую старую книгу — хронику жизни интерната. Создан был он на пожертвования общественности более полувека назад, в 1930 году, рассчитан на 171 человека, но сейчас здесь живут 160. Средний возраст — 60 лет, однако есть (беда не выбирает) и совсем молодые — чуть за 20. Обслуживающий персонал — 52 работника, из них административной деятельностью занимаются лишь трое. Остальные — непосредственно обслуживают обитателей: медсестры, прачки, повара, уборщицы, портные, шофер. К одному из этих людей у больших отношение особое — он поверенный их сокровенных мыслей: пишет под диктовку слепых письма.

Человека, который не видит, беда подстерегает на каждом шагу. Скажем, шел и натолкнулся на оставшуюся открытой дверь. Сияк на лбу не так уж, наверное, и болезнен. Но каждый сияк — напоминание: ты неполноценен. В интернате — специальные раздвижные двери, они как бы продолжение самих стен. Мы спускаемся вниз, на первый этаж, и я быстро сбегая по ступенькам, не задумываясь, как это делают те, для кого каждая ступенька может оказаться неожиданностью.

«Видите, специальная решетка, — объясняют мне, — палочкой натыкаешься на нее и уже знаешь: за ней начинается лестница. Или, наоборот, кончается — решетки есть и внизу, и наверху».

А на первом этаже живут те, кто практически совсем не может двигаться. В их палате — специальные окошки, куда лифтом из кухни подают пищу. Все очень просто — но в этом доме и нет особых чудес. Милосердие — это не разовое чудо, это ежедневное, ежечасное умение поставить себя на место страдающего человека. Мне приходят на память инвалиды, которые могут передвигаться только на коляске, а квартиру им, бывает, дают на пятом этаже — обрекая отнюдь не только на физические неудобства...

Конечно, полувековой возраст дома виден. В тех интернатах для престарелых и инвалидов, которые в ЧССР строят сегодня, нет уже многоместных спален, напоминающих больничные палаты, там новое оборудование, более удобная планировка. Но что (особенно, в сравнении с нашими больницами) поражает — это чистота, уют, те же самые цветы. И еще неплохие библиотека и читальня. И свой оркестр. И приезжающие в интернат (правда, редко) артисты.

Так же спокойно, с достоинством держатся и обитатели интерната. Заходим в одну из комнат. Нас встречает семидесятилетняя Анна Лукачова — она здесь уже почти шестьдесят лет, с самого основания интерната. Анна чуть-чуть видит одним глазом, поэтому всегда старалась не сидеть сложа руки — помогала работать в гладильне. Раньше ей за эту работу доплачивали, а теперь перестали. Решили, что раз человек на полном обеспечении государства, то в доплате не нуждается. Она с этим категорически не согласна. Что ей здесь не нравится? «Пло-

хо, что мужчины иногда выпивают. Тогда с ними разбирается наше самоуправление. Жаль, но если захочется провести наедине с приятелем вечер, допоздна засиживаться нельзя, дисциплина у нас строгая». Она вновь смеется. Потом серьезно: «У меня есть родственники, давно зовут к себе. Раньше я не могла вернуться — моя подруга здесь в доме болела долго и тяжело, просила не покидать ее. Но теперь ее уже нет...» Держится моя собеседница свободно, раскованно, не только не боится в присутствии директора говорить обо всем, что ей не по душе, но даже рада этой возможности...

Впрочем, и директор, Зора Койшова, проблем не скрывает. Не хватает центру современного оборудования, есть сложности с медицинским персоналом: не так уж много желающих работать здесь — пациенты сложные, а зарплата медсестер такая же, как в обычных больницах. Недостаточно возможностей для посильного труда: есть мастерская, но очень маленькая, выбор занятий ограничен.

У нас в стране в последние годы понемногу возвращается в жизнь понятие милосердия. Создано общество, которое носит такое название, открыт счет. А наряду с этим в наш быт входит и другое понятие — платная медицина. Наверное, и такая форма оказания медицинской помощи имеет право на существование. Но присмотримся к опыту ЧССР. Тут понятия платной медицины не существует вообще. Чехословакия первой в мире ввела полностью бесплатную медицинскую помощь для всех граждан без исключения. По числу жителей на одну больничную койку она вместе с Нидерландами занимает второе место в Европе. Все выписанные врачом лекарства выдаются бесплатно. Немаловажная черта политики государства — демократизация управления здравоохранением. Подавляющее большинство медицинских учреждений передано в ведение национальных комитетов. Кстати, и центр для слепых в Багони тоже подчинен национальному комитету: местной власти гораздо виднее его нужды, чем чиновникам министерства. Конечно, и в ЧССР сегодня много нерешенных вопросов в области здравоохранения, об этом говорится открыто. Но там, в Багони, я поняла: когда милосердие становится государственной политикой, не так уж трудно найти добрых, заботливых людей, поставить цветы на подоконники...

Татьяна Чернова,
специальный корреспондент
«Нового времени»
БРАТИСЛАВА — МОСКВА